

*Памяти Бориса Николаевича Славинского,
моего друга и коллеги, который не увидел плодов
нашей совместной работы*

Благодарности

Эта книга была написана в сотрудничестве с двумя учеными: покойным Б. Н. Славинским, старшим научным сотрудником Института мировой экономики и мировых отношений РАН (ИМЭМО) в Москве, и Сумио Хатано из Цукубского университета в Токио. Мое сотрудничество с Борисом Славинским началось во время моего четырехмесячного пребывания в Москве в 2000 году. У нас состоялось множество дискуссий, в ходе которых мы обсудили структуру нашей совместной работы, и он щедро поделился со мной большим массивом архивных данных, которые он усердно собирал в тот краткий период времени, когда после падения Советского Союза Россия рассекретила советские архивы. Славинский был отважным историком, бросившим вызов ортодоксальной советской историографии, которая все еще превалирует в российской академической среде даже после распада СССР. Мы как раз собирались приняться за написание первого чернового варианта этой книги, когда он неожиданно скончался в апреле 2002 года. Его смерть стала тяжелой утратой для этого проекта.

Сумио Хатано внес неоценимый вклад в создание этой книги. Нет никого, кто лучше него был бы знаком с историографией и источниками по капитуляции Японии. Он нашел для меня множество архивных материалов, некоторые из которых впервые были процитированы в этой книге, и ответил на мои бесчисленные вопросы. Хатано целиком прочел мою рукопись, снабдил ее комментариями и исправил множество ошибок, прокравшихся в ее первую редакцию.

Мой интерес к заключительной стадии Тихоокеанской войны возник в аспирантуре, когда я посещал семинар Роберта Бутоу

в Вашингтонском университете. Классический труд Бутоу «Japan's Decision to Surrender» («Решение Японии о капитуляции»), опубликованный полвека назад, произвел на меня неизгладимое впечатление. Отчасти эта книга является запоздалой благодарностью моему учителю, который вдохновил меня заняться данной темой много лет назад.

Я благодарен Синкити Это и Такаси Саито, моим учителям в Токийском университете, пробудившим во мне интерес к истории международных отношений, когда я был еще студентом. Мой научный руководитель в аспирантуре, покойный Дональд Тредголд, от которого я так много узнал о профессии историка, был бы рад увидеть эту книгу. Я также сожалею о том, что мой коллега и друг Сеидзабуро Сато не прожил достаточно долго, чтобы принять участие в обсуждении различных вопросов, поднятых в ней.

Роберт Скалапино, Гилберт Розман, Джон Стефан и Дэвид Холловэй оказали мне неоценимую поддержку на различных этапах работы над этим проектом.

В написании книги мне помогло слишком много друзей и коллег, чтобы я мог перечислить их всех. Но некоторые из них заслуживают отдельного упоминания. В частности, огромную поддержку оказал мне Ричард Фрэнк, с которым я расхожусь по многим вопросам. Он щедро делился со мной информацией и внимательно прочитал мою рукопись, дав к ней ценнейшие комментарии. Бартон Бернстайн из Стэнфордского университета всегда охотно отвечал на мои многочисленные телефонные звонки, некоторые из наших разговоров длились часами. Я также был счастлив, когда теплыми словами и замечаниями к этой книге со мной поделился Гар Альперовиц, являющийся идеологическим противником Фрэнка. Я очень благодарен за оказанную мне поддержку всем этим троим ученым, придерживающимся различных взглядов по такому сложному вопросу, как история атомной бомбы.

Дмитрий Славинский, сын Бориса, любезно позволил мне воспользоваться архивными данными, собранными его отцом, и также помог мне найти многие публикации и фотографии,

сделанные в России. К. Е. Черевко, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, также прочел рукопись этой книги и дал к ней полезные комментарии. Кроме того, я благодарен Эрнесту Мэю и Одду Арне Вестаду, которые прочли эту рукопись для издательства *Harvard University Press* и тоже поделились со мной ценными замечаниями.

Постоянную поддержку в работе над этой книгой мне оказывали мои коллеги и аспиранты из Центра изучения холодной войны и с факультета истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Фрэд Логеваль, работающий сейчас в Гарвардском университете, был первым человеком, предложившим мне заняться данной темой, и его поддержка и дружба невероятно помогли мне при написании этой книги. Дженнифер Си прочла рукопись моей работы и поделилась со мной ценными замечаниями по целому ряду затронутых в ней тем. Кристина Циглер-Макферсон, Эрик Эссельстрём, Нобуко Котани, Тосихико Аоно и Юрий Маликов приняли участие в работе над книгой в качестве моих стажеров-исследователей. Руководство Центра междисциплинарных гуманитарных исследований и факультета истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре выделило гранты и стипендии, позволившие поддержать этот проект.

Мои бывшие коллеги по Центру славистики при Университете Хоккайдо в Японии, особенно Синъитиро Табата, оказали мне неоценимую помощь в поиске японских источников. Дискуссии, состоявшиеся у меня с японскими коллегами, — особенно с Харуки Вадой, Хироси Кимурой, Тэруюки Харой, Такаюки Ито, Нобуо Симотомай, Такаси Мураками, Нобуо Араи, Осаму Иэдой и Синдзи Ёкотэ — дали мне ценную информацию и идеи для этой книги.

Я бесконечно благодарен многочисленным библиотекарям и архивистам Национального архива в Колледж-Парке, библиотеки Гарри С. Трумэна, библиотеки Франклина Д. Рузвельта, библиотеки Джорджа Маршалла, Отдела рукописей библиотеки Конгресса, архива Гуверовского института, библиотеки Хоутона Гарвардского университета, библиотеки Стерлинга Йельского университета, отдела устной истории библиотеки Батлера при

Колумбийском университете, библиотеки Мадда Принстонского университета, Специальной коллекции библиотеки Университета Клемсона, библиотечного архива и специальной коллекции Амхерст-колледжа, Государственного архива (Кью-Гарденс, Великобритания), собрания рукописей отдела военной истории Национального института оборонных исследований в Токио (Бэй Кэнкюдзэ Сэнсисицу), архива Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве. Мне исключительно повезло получить неоценимую помощь от Джона Тейлора из Национального архива, которого я считаю национальным достоянием. Я также благодарен Дэннису Билгеру из библиотеки Трумэна, который приложил огромные усилия, чтобы помочь мне в моей работе. Последней по порядку, но не по важности, я хочу поблагодарить библиотеку Дэвидсона Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, в особенности ее отдел межбиблиотечного абонемена, служивший для меня постоянным источником материалов.

Эта книга появилась на свет благодаря щедрым грантам и стипендиям, предоставленным Национальным фондом гуманитарных наук, Институтом мира США, Национальным Советом по Евроазиатским и Восточноевропейским исследованиям, Японской программой Совета по гуманитарным исследованиям, Советом международных научных исследований (IREX), Стипендиальной программой библиотеки Трумэна, Институтом глобальных конфликтов и сотрудничества Калифорнийского университета, Программой по исследованиям стран Тихоокеанского региона Калифорнийского университета и Программой по предоставлению исследовательских грантов Ученого совета Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Я также благодарен за поддержку Дэвиду Маршаллу, декану факультета гуманитарных наук и изящных искусств колледжа искусств и наук Калифорнийского университета в Санта-Барбаре; сейчас — старшему проректору Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Стив Браун, художник с факультета искусств Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, нарисовал карты для этой

книги. Кэтлин Макдермотт из *Harvard University Press* заботливо вела эту книгу с того момента, как я передал ее рукопись в издательство. Кристин Торстейнссон из *Harvard University Press* тщательно и с вниманием к деталям вычитала текст и колоссально улучшила его качество.

За все фактические ошибки и неточности, встречающиеся в этой книге, вина лежит исключительно на мне.

Моя жена Дебби многократно прочитала рукопись книги на различных этапах ее написания. На самом деле Дебби и мой сын Кеннет прожили с этим проектом много лет. Без их постоянной помощи, поддержки и любви эта книга никогда не была бы написана.

К русскому изданию

Я хочу поблагодарить Игоря Немировского из *Academic Studies Press*, который инициировал и поддержал перевод этой книги на русский язык, и *Harvard University Press*, давшее *Academic Studies Press* разрешение на русское издание «*Racing the enemy*». С самого выхода этой книги в свет в 2005 году я мечтал о том, чтобы она стала доступна российским читателям и ученым. Работая над этим проектом, я не имел доступа к важнейшим российским архивам, в частности к Архиву Президента РФ и военным архивам, в том числе к РГВА (Российскому государственному военному архиву), ЦАМО (Центральному архиву Министерства обороны Российской Федерации) и ЦВМА (Центральному военно-морскому архиву). Поэтому в моем тексте есть большие лакуны, относящиеся к политике СССР в отношении Японии и США на последнем этапе Тихоокеанской войны. Я приложил все усилия, чтобы восстановить ход этих событий на основе имевшихся у меня материалов. Надеюсь, что русское издание данной книги вдохновит российских ученых на то, чтобы восполнить имеющиеся в ней пробелы, обратившись к новым архивным данным, которые были мне недоступны; благодаря этому мы сможем приблизиться к ответам на многие неразрешенные вопросы.

Я благодарен Программе по предоставлению исследовательских грантов Ученого совета Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, которая выделила часть средств на грант, сделавший возможной публикацию этой книги на русском языке.

За шестнадцать лет, прошедших со времени ее первого издания, появилось огромное количество неизвестных ранее материалов, и я не имел возможности включить в настоящее издание все новые данные. Я постарался сохранить исходный текст, насколько это было возможно, ограничившись исправлением ошибок, вкрапившихся в первую редакцию, и внесением правок там, где это было совершенно необходимо. Хочу особо отметить два важных источника, которыми я воспользовался при подготовке русского издания. Во-первых, это архивные материалы, собранные независимым японским ученым Рюдзи Моритой в архиве японского МИДа (*Гаймусё Гайко сирёкан*) и Британском государственном архиве в Кью-Гарденс. Я обозначил их как *Morita Files*, 1–6. С помощью этих ценных материалов я смог по-новому взглянуть на политику Министерства иностранных дел Японии и правительства Великобритании в отношении Тихоокеанской войны. Во-вторых, я не могу не упомянуть монографию о Советско-японской войне в Маньчжурии и Корее, автором которой является Такэси Томита [Tomita 2020]. На мой взгляд, его работа — лучшее из того, что было написано об этой войне; в книге Томиты было использовано огромное количество архивных источников из Японии и России и собраны устные свидетельства японских военнопленных, интернированных в Советский Союз. Включение этих новых материалов в мою книгу значительно улучшило ее качество.

Я благодарен Дарье Немцовой из *Academic Studies Press* за решение вопросов, связанных с использованием в русском издании этой книги ряда материалов, в частности карт и фотографий. Если исходные фотографии оказывались недоступны, я, с разрешения *Harvard University Press*, заменял их новыми. Я также благодарен людям и организациям, владеющим авторскими правами на эти карты и фотографии, за то, что они любезно позволили мне воспользоваться ими.

Я хочу отдельно поблагодарить своего переводчика Илью Нахмансона, который не только точно перевел мой оригинал, но и превратил его в прекрасный русский текст. Много раз он находил исходные русские цитаты, которые я использовал. Труд переводчика нередко бывает скучным и монотонным, но я получал удовольствие от каждого мига совместной работы с Ильей. Мне повезло встретить такого замечательного переводчика.

Я надеюсь, что это русское издание даст толчок к новым исследованиям и обсуждениям такой важной и противоречивой темы, как окончание Тихоокеанской войны.

Цуёси Хасэгава
Санта-Барбара, Калифорния, июнь 2021 года

Предисловие

Финишный спурт

Спустя семьдесят пять лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и капитуляции Японии мы все еще не имеем четкого представления о том, как закончилась Тихоокеанская война. Историки в США, Японии и Советском Союзе — трех ключевых странах — участницах драмы, разыгравшейся в конце этой войны, — как правило, интересовались ее частными аспектами: американцы писали об атомной бомбе, японцы о том, как император Хирохито решил прекратить сопротивление, а русские — о боевых действиях советских войск на Дальнем Востоке. Однако всю картину в целом никто так пока и не описал.

В США до сих пор не утихают споры о том, действительно ли именно атомная бомба вынудила Японию капитулировать. Огромный скандал, разразившийся в 1995 году в связи с посвященной «Эноле Гэй» выставкой в Национальном музее авиации и космонавтики в Вашингтоне, показал, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки по-прежнему являются для американцев больной темой. Однако бушевавшие тогда споры, как ни странно, носили локальный характер и почти исключительно относились к роли, сыгранной Америкой.

Драматические события, которые происходили в последние дни Тихоокеанской войны и привели к решению о капитуляции, вызывали огромный интерес и у японских историков. Однако, несмотря на множество публикаций, посвященных этой теме, нет ни одного серьезного исследования, в котором капитуляция Японии рассматривалась бы в контексте сложившегося на тот момент международного положения. Если говорить о публикациях в Японии и США, то до сих пор лучшим комплексным на-

учным трудом, посвященным этой теме, является книга Роберта Бутоу [Butow 1954]¹.

Советские историки в послевоенное время были стеснены рамками марксизма-ленинизма. Официально утвержденная история финала Тихоокеанской войны, как он описан в советских работах, видела в нем заключительную главу Великой Отечественной войны, в которой СССР сыграл героическую роль в освобождении угнетенных народов Азии от ига японского милитаризма и империализма. Во время перестройки некоторые ученые начали смотреть на историю своей страны по-новому. Однако, несмотря на обилие новых данных, которые стали доступны исследователям после распада Советского Союза, российские историки по-прежнему придерживаются интерпретации истории, сложившейся в советский период. Исключением из этого правила являются работы Б. Н. Славинского [Славинский 1993; Славинский 1995; Славинский 1996; Славинский 1999].

Важно отметить, что как американские, так и японские историки почти полностью игнорировали роль СССР в окончании войны на Тихом океане. Конечно, вопрос о том, рассматривала ли администрация Трумэна атомную бомбу в качестве дипломатического оружия против Советского Союза, вызывает в США ожесточенные споры между ревизионистами и традиционными историками. Однако даже в этом случае речь идет по большей части о позиции Вашингтона и главным камнем преткновения является то, как именно американцы воспринимали намерения Советского Союза. В американских научных трудах об участии СССР в финальной стадии Тихоокеанской войны упоминается вскользь и Москве отводится в лучшем случае роль второго плана.

¹ Среди других англоязычных научных исследований следует отметить работы Леона Сигала, Ричарда Фрэнка, Роберта Пейпа и Форреста Моргана. Также заслуживают внимания две книги, написанные журналистами Лестером Бруксом и Уильямом Крайгом. Ни в одной из упомянутых книг не уделено внимания роли Советского Союза в капитуляции Японии. Единственным англоязычным исследованием, в котором была сделана попытка оценить эту роль, является статья Юкико Косиро. Однако Косиро не использовала русскоязычные источники [Sigal 1988; Pape 1993; Morgan 2003; Brooks 1968; Craig 1967; Koshiro 2004].

История международных отношений

В этой книге подробно исследуется окончание Тихоокеанской войны в контексте международного положения. Тщательному анализу подвергнуты сложные взаимоотношения между тремя основными участниками конфликта: Соединенными Штатами, Советским Союзом и Японией. В этой истории можно выделить три отдельных сюжета. Первый из них — это партнерство и соперничество Сталина и Трумэна во время войны с Японией. Хотя США и СССР были союзниками, Сталин и Трумэн не доверяли друг другу: каждый из них подозревал, что другой первым нарушит Ялтинское соглашение, регулировавшее их совместные действия на Дальнем Востоке. Потсдамская конференция 1945 года (17 июля — 2 августа) стала началом ожесточенной гонки между этими мировыми лидерами. Если для Трумэна стало совершенно необходимым провести атомную бомбардировку, чтобы вынудить Японию к капитуляции до вступления в войну Советского Союза, то для Сталина такой же первоочередной задачей стал ввод войск в Маньчжурию до того, как Япония капитулирует. В этой книге будет рассказано о том, как Потсдамская декларация, атомные бомбы и вступление СССР в войну совместно вынудили Японию к безоговорочной капитуляции.

Советско-американское соперничество продолжилось и после того, как император Хирохито согласился на безоговорочную капитуляцию 14 августа 1945 года. Когда в Москве стало известно о том, что Япония готовится капитулировать, Советский Союз не только не прекратил боевых действий на Дальнем Востоке, но и ускорил проведение этих операций; данный факт часто упускается из виду историками, пишущими об окончании Тихоокеанской войны. Уже после того, как Япония приняла условия Потсдамской декларации, Сталин отдал приказ о высадке на Курилы и Хоккайдо. В те дни, когда японцы готовились к капитуляции, Сталин и Трумэн отчаянно занимались «перетягиванием каната», борясь за превосходство на послевоенном Дальнем Востоке.

Второй сюжет этой книги — запутанные взаимоотношения между Японией и Советским Союзом, ключевыми факторами

в которых стали усилия японской дипломатии и предательство СССР. Чем сложнее становилась ситуация на театре военных действий, тем больше внимания японская правящая элита уделяла отношениям с Советским Союзом. Для армии, готовой защищать родную землю до последнего патрона, было крайне важно удержать СССР от вступления в войну. Для партии мира окончание войны при посредничестве Москвы виделось единственной альтернативой безоговорочной капитуляции. В то же самое время дипломатические маневры, предпринимаемые Японией, были выгодны Сталину, так как благодаря им война на Тихом океане затягивалась достаточно долго, чтобы СССР успел принять в ней участие. Даже после опубликования Потсдамской декларации японцы продолжали надеяться на то, что при посредничестве Москвы им удастся договориться о более выгодных условиях капитуляции. Вступление СССР в войну потрясло Японию даже сильнее, чем атомные бомбардировки, потому что это означало конец всех надежд на какое-либо иное окончание боевых действий, кроме как безоговорочная капитуляция. В итоге именно страх перед возможными политическими последствиями в результате советской оккупации Японии побудил императора полностью согласиться с условиями Потсдамской декларации.

Третий сюжет — это роковое противостояние между партиями войны и мира внутри японского правительства по вопросу об условиях капитуляции. В то время как Сталин и Трумэн отчаянно соревновались в том, кто первым принудит Японию к сдаче, японские политики разделились на два непримиримых лагеря: тех, кто хотел завершить войну как можно скорее, чтобы спасти императора и императорский дом, и тех, кто хотел вступить в последний решительный бой с врагом на родной земле, чтобы сохранить японский национальный дух, воплощенный в неразрывной связи между императором и его подданными. Камнем преткновения в этих спорах между милитаристами и миротворцами стал вопрос о толковании понятия *кокутай* — идеологического конструкта, описывающего национальную идентичность японцев. Обе стороны объясняли свои действия заботой о кокутай.

Кокутай: японская национальная идентичность

В Конституции Мэйдзи, принятой в 1889 году, император объявлялся лицом «священным и неприкосновенным» и средоточием власти: вся власть в Японии — законодательная, исполнительная и судебная — исходила от него. Также император был верховным главнокомандующим, и его полномочия превосходили полномочия правительства.

Кроме того, император символизировал собой японское национальное единство, то есть он был живым воплощением японской национальной идеи. Обязательное всеобщее образование и воинская повинность воспитали в японцах сильное чувство национальной гордости, в основе которой лежало почитание императора. Таким образом, императору принадлежала абсолютная власть в стране — политическая, культурная и религиозная. Возникшая идеология, согласно которой император являлся безусловным политическим и духовным лидером нации, получила название «кокутай»².

Несмотря на то что император в политическом и культурном отношении был центральной фигурой, лидером страны он являлся только номинально и реальной властью не обладал. Такое положение дел привело к тому, что крупнейший японский политический философ Масао Маруяма называл «системой безответственности», когда политики и министры принимали решения «от имени императора», который никак не мог повлиять на происходящее [Maruyama 1956: 7–24]. В 1930-е годы Тацукучи Минобэ, профессор конституционного права в Токийском университете, пытался превратить Конституцию Мэйдзи в современную конституционную монархию, в которой император являлся бы носителем государственной власти, чьи полномочия были бы ограничены законом. Однако сторонники Минобэ потерпели поражение в борьбе с ультра националистами.

² Подробнее см. об этом [Hellegers 2001, 1: 127–256].

ми, которые воспринимали кокутай не столько как политическую систему, сколько как мистическое учение. В 1937 году Министерство просвещения выпустило брошюру «Основные принципы кокутай», где император был объявлен живым богом, единым целым с Создателем императорской власти и вечной сущностью, неразрывно связанной с народом и землей Японии. С этого момента мистическая сторона кокутай была окончательно закреплена в официальной идеологии. Важнейшим элементом этого нового толкования кокутай стала идея о том, что императору принадлежит исключительное право на командование армией, и именно это дало толчок той необузданной экспансии, которую предприняли японские милитаристы в последующие годы [Suzuki M. 1993: 189–202]. Все это только укрепило позиции императора как центральной фигуры — и в политическом, и в культурном аспекте — для определения японской национальной идентичности. Изменение роли императора вызвало бы необратимые изменения и в этой идеологической конструкции.

Капитуляция Японии в Тихоокеанской войне вынудила японских политиков переосмыслить этот ключевой элемент национальной идеи. В отчаянной попытке спасти себя и императорский дом император при поддержке партии мира изменил прежнюю государственную мифологию, приспособив ее под новые обстоятельства. Вместо того чтобы, согласно традиции, оставаться всего лишь номинальным лидером страны, Хирохито лично принимал активное участие в решении о безоговорочной капитуляции. Тем самым он продемонстрировал, что не является лишь символическим воплощением японской нации. Уже тогда, в процессе принятия решения о капитуляции, а не в период оккупации, как считают многие историки, Хирохито из «живого бога» стал превращаться в «императора-человека»³.

³ Подробнее об участии Хирохито в принятии решений во время войны см. следующие публикации: [Yamada 1990; Yamada, Koketsu 1999; Yoshida 1996; Bix 1995; Bix 2000].

Слепые и слон

В этой книге я покажу, что Сталин был активным участником драмы под названием «Капитуляция Японии», а вовсе не находился на второстепенных ролях, как ранее полагали историки. Его макиавеллистские дипломатические переговоры с японцами, желавшими заключить мир с Великобританией и США при посредничестве Москвы, всегда были лишь ширмой, за которой он скрывал свои истинные цели. Он ставил свои условия американцам и отвечал решительными действиями на их шаги. Он вынудил Китай согласиться со своими требованиями и без колебания использовал любые дипломатические и военные методы, чтобы заполучить те территории, железные дороги и порты, которые считал своими по праву.

Также в этом исследовании дается более полная картина того, при каких обстоятельствах было принято решение об атомных бомбардировках Японии. Атомная бомба стала решением стоявшей перед Трумэном дилеммы: как добиться безоговорочной капитуляции Японии до того, как СССР вступит в эту войну. Трумэн выпустил Потсдамскую декларацию не в качестве предупреждения Японии, а для того, чтобы оправдать использование атомной бомбы. Я не согласен с общепринятой точкой зрения о том, что именно атомная бомба стала решающим доводом, лишившим японцев воли к сопротивлению. На мой взгляд, более важным фактором, вынудившим Японию капитулировать, стало вступление в войну Советского Союза⁴.

Более того, важно отметить, что на исход этой войны оказали огромное влияние кокутай и усилия группы японских советников, о которых мало говорится в трудах других историков. Хотя в прежних исследованиях уделялось много внимания роли, сыгранной в этом процессе правящей верхушкой Японии — мини-

⁴ Подробное обсуждение историографии атомной бомбы и вступления СССР в войну на Тихом океане находится за рамками данного исследования. Всем, кто заинтересован в истории вопроса, рекомендую ознакомиться с работами Бернштейна и Уокера [Bernstein 1995c; Walker 2005].

страдами, военными, приближенными императора и некоторыми влиятельными политиками, не входившими в правительство, — мне удалось выяснить, что события разворачивались по более сложному сценарию и действия, предпринятые партией мира, были в значительной степени срежиссированы группой советников менее высокого ранга.

Наконец, в отличие от других работ, посвященных окончанию Тихоокеанской войны, в этой книге описывается бурная деятельность, проводившаяся Сталиным между 15 августа, когда Япония согласилась на безоговорочную капитуляцию, и 5 сентября, когда завершилась операция советских войск на Курилах. Капитуляция Японии побудила его дать приказ о начале боевых действий на Курилах и Хоккайдо. Если Сталин успешно прибегал как к искусству дипломатии, так и к военной силе, то Трумэну приходилось одновременно решать две задачи: как можно скорее вынудить Японию капитулировать и удержать советскую экспансию в рамках, определенных Ялтинским соглашением. В результате Сталину достались Курилы, но ему пришлось отказаться от планов оккупации Хоккайдо. Несмотря на все трения и взаимное недоверие, в конце концов оба союзника выполнили условия Ялтинского соглашения. Холодная война пока еще не началась.

Подобно слепцам, ошупывающим слона, историки описали только фрагменты сложной драмы, разыгравшейся в финале Тихоокеанской войны. Спустя семьдесят пять лет после того, как на борту линкора «Миссури» был подписан Акт о капитуляции Японии, эта книга дает возможность детально проследить за запутанными переговорами и хитроумными дипломатическими ходами, итогом которых стало согласие Японии на безоговорочную капитуляцию.

Глава 1

Трехсторонние отношения и Тихоокеанская война

Днем 13 апреля 1941 года СССР и Япония подписали пакт о нейтралитете, а вечером того же дня по этому поводу в Кремле был устроен прием для японского министра иностранных дел Ёсукэ Мацуоки. Они встретились и на следующий день. Сталин — что случилось исключительно редко — приехал на Ярославский вокзал, чтобы лично проводить Мацуоку. Он обнял и поцеловал японского министра, позаботившись о том, чтобы этот момент был запечатлен фотографом. Мацуока произнес: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой». Сталин ответил: «Моя голова важна для моей страны. Так же, как ваша для вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах». Затем он добавил: «Вы азиат. Я тоже азиат». «Мы все азиаты, — откликнулся Мацуока, — давайте выпьем за азиатов». Вся сцена была продумана в мельчайших деталях и должна была продемонстрировать как японцам, так и присутствовавшему на вокзале послу Германии важность для СССР заключенного пакта [Lensen 1972: 19; Nishi 1987: 1–3].

Даже краткого взгляда на непростую историю русско-японских отношений с конца XIX века достаточно, чтобы по достоинству оценить это беспрецедентное проявление дружеских чувств. Однако важно учитывать еще и тот факт, что взаимоотношения России и Японии были тесно переплетены с интересами еще двух мировых держав: США и Китая. Воспользовавшись слабостью

Карта 1. Япония в Тихоокеанской войне

Китай, Россия в середине XIX века захватила обширные территории к северу от Амура и к западу от Уссури. В 1860 году русскими был основан порт Владивосток, ставший воротами Российской империи на Тихом океане. Затем Россия планировала расширить зону своего влияния, включив в нее Маньчжурию и Корею. Однако тут она столкнулась с Японией — грозным соперником, который, вступив в 1868 году в эпоху модернизации, начал собственную империалистическую экспансию, претендуя на соседние территории. Агрессивная политика Японии в Корее вскоре вызвала гнев Китая, являвшегося номинальным сюзереном этого закрытого для внешнего мира государства, и в 1894 году между двумя азиатскими странами разгорелась война. Япония разгромила Китай, который был вынужден уступить победителю Тайвань, Пескадорские острова (теперь — острова Пэнху) и Ляодунский полуостров в Маньчжурии, а также признать независимость Кореи. Теперь у Японии появился плацдарм на азиатском континенте (см. карту 1).

Встревоженная японской экспансией в Азию Россия убедила Германию и Францию вынудить японцев вернуть Китаю захваченный ими Ляодунский полуостров. Кроме того, в 1890-е годы Россия начала строительство через Маньчжурию Китайско-Восточной железной дороги до Владивостока. Еще сильнее Япония была унижена в 1898 году, когда Россия арендовала у Китая Ляодунский полуостров и получила концессию на строительство Южно-Маньчжурской железной дороги, соединившей КВЖД с незамерзающим портом Дайрен (до Русско-японской войны — Дальний, теперь — Далянь) и военно-морской базой Порт-Артур. Столкновение между Россией и Японией было неизбежно.

Когда в 1900 году разразилось Боксерское восстание против иностранного вмешательства в дела Китая, Россия и Япония направили в Цинскую империю крупные экспедиционные силы. Вопреки протестам японцев, после подавления восстания русские не только не стали выводить свои войска из Китая, но и начали перебрасывать туда по Транссибирской магистрали подкрепления. В 1902 году, когда отношения между Россией и Японией ухудшились еще сильнее, Япония заключила союз с Англией, обретя таким образом могущественного сторонника. В феврале 1904 года Япония разорвала отношения с Россией и неожиданно напала на русскую эскадру в Порт-Артуре — за два дня до официального объявления войны. Началась осада Порт-Артура, который капитулировал в январе 1905 года. Японская армия форсировала реку Ялу, вторглась в Маньчжурию и в марте заняла Мукден. Последняя надежда России оставалась на Балтийский флот, который, пройдя полмира, должен был атаковать Японию. Однако японский флот, подстергший русские корабли в Цусимском проливе, уничтожил Вторую Тихоокеанскую эскадру в однодневном морском сражении. Россия проиграла войну. По Портсмутскому договору, заключенному при посредничестве Теодора Рузвельта в 1905 году, Япония получила южную часть Сахалина и северный отрезок ЮМЖД от Порт-Артура до Чанчуня. Японская империя постепенно превратила Маньчжурию в свою фактическую колонию, направляя туда японских поселенцев, которые вытеснили местное китайское население. После

того как был создан этот колониальный форпост, его необходимо было защитить от возможных посягательств со стороны русских. В 1919 году японский гарнизон в Маньчжурии был преобразован в Квантунскую армию (см. карту 1).

Поражение в войне с Японией стало для России тяжелым ударом [Haslam 1992: 1]. Россия не только удостоилась сомнительной чести стать первой великой европейской державой, потерпевшей поражение от неевропейской страны, но и была вынуждена уступить Японии Южный Сахалин, являвшийся частью территории Российской империи. Кроме того, были потеряны стратегически важные Дайрен и Порт-Артур. Унижение от поражения в этой войне не прошло и после Октябрьской революции.

Впрочем, после окончания войны отношения между Россией и Японией довольно скоро улучшились; этому помогли три конвенции (1907, 1910 и 1912 годов), на которых был произведен раздел сфер влияния. Внешняя Монголия перешла под протекторат России, а Япония аннексировала Корею. Маньчжурия была разделена пополам: южная часть оказалась в сфере влияния Японии, а северная — России. Также эти конвенции имели целью закрыть доступ в Маньчжурию для других западных стран, особенно США, которые прилагали активные усилия, чтобы за счет торговых и экономических связей укрепить свои позиции в этом регионе под прикрытием политики открытых дверей.

Первая мировая война дала Японии возможность продолжить территориальную экспансию в Китай. Воспользовавшись тем, что все великие страны были заняты войной в Европе, японцы атаковали принадлежавший Германии Циндао и предъявили Китаю позорный список из 21 требования. Все крупные мировые державы выразили возмущение столь наглым поведением Японии. Только Россия воздержалась от участия в общем протесте, рассчитывая, что своим молчанием заслужит благодарность Японии, которая не станет нападать на русскую часть Маньчжурии. В 1916 году Россия с Японией заключили союз, по которому обязались помогать друг другу, если какая-либо третья страна станет посягать на сферу влияния одного из союзников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru